

ОЛЫГА
ВОЛОДАРСКАЯ

КОГДА ЗАПЛАЧЕТ
РОЗОВЫЙ ФЛАМИНГО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
В68

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Володарская, Ольга.

В68 Когда заплачет розовый фламинго : роман / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-227717-7

История стара как мир...

Оба юны и по-своему прекрасны, но ее папа крупный бизнесмен, а его — грузчик в порту. Она купается в роскоши, он вкалывает в две смены. Она без пяти минут студентка МГУ, его вот-вот отчислят из речного училища. Не пара друг другу. Отец решил: долой такого жениха!

Спустя двадцать пять лет Лиза вновь с ним встретилась. Папа уже умер, но, как поговаривали, не своей смертью. Кто-то его, одного из богатейших людей города, устранил. Теперь у Лизы две задачи: воссоединиться с тем, кого она до сих пор считает мужчиной своей жизни, и выяснить, кто убил ее отца... По слухам, это один и тот же человек!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Володарская О., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-227717-7

Часть первая

Глава 1

Проснувшись, Лиза не сразу сообразила, где находится. Незнакомая комната, запах в ней, чересчур яркий свет. Еще и жарко, а она привыкла к 22-градусной температуре. В ее доме, автомобиле, офисе сплит-системы были настроены именно на нее.

Лиза откинула влажное покрывало и встала с дивана. Страхнув дрему, она быстро сориентировалась: эту ночь она провела в квартире, доставшейся ей в наследство. Приехала вечером, чтобы осмотреть ее, но выпила вина, съела почти целую пиццу, поскольку была очень голодной, размякла и не захотела никуда ехать. Поэтому прилегла на диван и не заметила, как уснула.

Сейчас было уже девять утра, и астраханское солнце палило нещадно. Лиза включила кондиционер, после чего подошла к окну, чтобы опустить жалюзи. Перед тем как сделать это, окинула взглядом окрестности с высоты семнадцатого этажа. Квартира, в которой она находилась, располагалась в новом ЖК комфорт-класса. Дома-свечки с интересным дизайном, детские и спортивные площадки во дворах, есть торговый центр и садик. Из красот: пруд, фонтан, клумбы опять же, богатые, пышные, за ними явно ухаживает специально нанятый садовник. Симпатичное местечко в незнакомом Лизе районе. Но это не удивительно, ведь она двадцать с лишним лет

не была в Астрахани, а за это время город сильно изменился.

Лиза прошла в кухню. На столе недопитая бутылка вина, коробка с недоеденной пиццей, смятые салфетки. В общем, бардак. Проигнорировав его, она налила себе стакан воды из крана с фильтром, попила. Кухня была оборудована всем необходимым, включая кофеварку, но Лиза решила повременить с капучино. Сейчас ей нужен душ! Обязательно контрастный. Она уже знала, где лежат чистые полотенца, и отправилась в практически пустую гардеробную. Кроме той и кухни в квартире было еще три комнаты: спальня, гостиная и кабинет. Все со вкусом обставленные, но малообжитые. Общая площадь квартиры составляла больше ста квадратных метров. Не наследство — мечта! А Лиза совсем не обрадовалась, узнав о нем. Одним объектом недвижимости больше, одним меньше...

Получи она хоть одну десятую отцовского состояния, ей хватило бы этого до конца дней. И ей, и ее сыновьям! Покойный Борис Алексеевич Аронов был одним из богатейших людей Астрахани и обеспечил всем необходимым для шикарного существования свою единственную дочь еще при жизни. На двадцатилетие ей был подарен «порш», на свадьбу — дом на Истре, на рождение детей — квартиры для каждого из чад (сейчас они сдавались), а после развода Лиза получила косметическую фирму. Тогда ей было тридцать, сейчас сорок два, ее предприятие успешно работает, и это заслуга одной лишь владелицы, папа ничем ей не помогал. Да и виделись они нечасто. А два года назад в пух и прах разругались. Это случилось в день рождения Лизы. Незадолго до банкета. Отец, обзвав ее неблагодарной дрянью,

уехал в Астрахань, а она, проревевшись, отправилась в ресторан, чтобы строить из себя счастливую юбиляршу.

...Она остыла через пару месяцев. И позвонила отцу, чтобы поздравить с Новым годом. Он ответил ей тем же. А потом спросил, не хочет ли дочурка попросить прощения.

— А ты?

— Мне не за что, — сурово возразил отец. — Ты действительно неблагодарная.

— И дрянь? — именно это слово ее задело.

— Не всегда. Но в тот момент, когда ты бросала мне в лицо обвинения, вела себя как дрянь.

— Я лишь напомнила тебе о том, как ты вмешался в мою жизнь...

— И сломал ее? — Голос отца стал стальным. — Ведь ты это хотела сказать?

— А разве не так?

— Я дал тебе все!

— Кроме свободы выбора, — выпалила Лиза. — И если бы ты не чувствовал вину за это, не осыпал бы меня своими дарами! Думаешь, в золотой клетке вольготнее живется?

— Если в ней было так мучительно, что ж ты из нее не упорхнула, птичка моя?

— Если б я сделала это, то потеряла бы тебя! Ты не простил бы мне своеволия, а для меня не было никого важнее тебя!

Выпалив это, Лиза бросила трубку и разрыдалась. Она не лукавила! Лиза готова была остаться без денег, но без папы. Мать она уже потеряла, та умерла от рака, когда дочке едва исполнилось восемнадцать. Будь мама жива, возможно, все было бы иначе: она смогла бы если не повлиять на мужа, то хотя бы

поддержать его в тот момент, когда дочь ослушалась бы его. Но мама умерла, оставив их, мужа и дочь, вдвоем, а они не смогли полюбовно договориться. Лиза принесла себя в жертву, а папа этого не понял и жил с мыслью о том, что все сделал правильно, не дав своей кровиночке совершить непоправимую ошибку. Поэтому он так оскорбился, узнав правду. А Лиза смертельно обиделась на папу за то, что он так и не понял, что ею двигало. Свел все к банальной алчности...

Еще и неблагодарной дрянью обозвал!

Если бы Лиза знала, что дни его сочтены, не просто извинилась — все бросила бы, прилетела в Астрахань и в ноги ему упала! Но Борис Алексеевич казался если не бессмертным, то неуязвимым. Его ни старость не брала, ни болезни. В шестьдесят пять он не только в спортзал ходил три раза в неделю, марафоны бегал, подковы гнул, но то по куражу, на потеху. Силушкой богатырской был наделен с рождения и находил ей применение в годы молодые. Был чемпионом мира по поднятию тяжестей в СССР, а в перестройку — старшим в бригаде рэкетиров, крышевавшей рынок «Динамо». В конце девяностых смог стать легальным бизнесменом и подняться так, как другим браткам не снилось. Борис Алексеевич был уверен, что доживет до праправнуков, тем более внукам уже по двадцать, а ему всего шестьдесят восемь, но...

Умер от сердечного приступа! Не в качалке, на пробежке, не за столом во время пьянки... Вышел на прогулку, остановился возле саженцев, спросил у садовника, поливающего их, что за растения видит перед собой, но не успел услышать ответа... Начал хватать ртом воздух, сжал пятерней грудь, потом

согнулся и повалился наземь. Не прошло и десяти секунд, как потерял сознание. Садовник и заметивший происходящее помощник по хозяйству бросились к нему, стали его в чувство приводить. Оба кричали: «Вызовите скорую помощь!» Та приехала оперативно, но было поздно: Борис Алексеевич скончался.

Лиза почувствовала, как дрогнуло сердце. В последнее время такое часто происходило. Началось это незадолго до смерти папы. Предчувствие, как подумала Лиза, получив новость о кончине родителя. Но он уже три дня как в могиле, а сердце так и дрожит. Проверить его надо. Вдруг есть проблемы? Обычная кардиограмма ничего не показывала, но и у отца при плановом осмотре медики не находили патологий!

...Она направилась к ванной комнате и тут услышала скрежет. Остановилась, чтобы понять, откуда он раздастся. Оказалось, из прихожей, что за тонкой стенкой. Лиза выглянула из-за нее и увидела, как открывается входная дверь.

— Вы кто? — спросила она у незваной гостьи. Та отперла дверь своим ключом.

— А вы? — прозвучало в ответ.

— Я хозяйка этой квартиры, — ответила Лиза.

— Не врите.

Женщина переступила порог, но дверь не затворила. Ей на вид было лет пятьдесят. Темно-русые волосы, зеленые глаза, смуглая кожа, высокие скулы — внешность европейская с азиатской примесью. В Астрахани такое не редкость.

— Откуда у вас ключ? — продолжила наступление Лиза. — Если не ответите и не покажете документы, я позвоню в полицию.

— Я приходящая домработница, — ответила та. — Посещаю квартиру раз в неделю. Ключ мне дал Борис Алексеевич.

— Давно?

— Он нанял меня почти год назад. — Женщина бросила ключ в вазочку, стоящую на тумбочке под зеркалом. Так же делал отец, приходя домой. — Теперь я могу узнать, кто вы?

— Дочь Бориса Алексеевича. Зовут меня Елизаветой. А вас как?

— Я Галя. — Женщина закрыла-таки дверь, затем поставила на пуфик сумку. Та оказалась брендовой. Точнее, выглядела как оригинал, но, очевидно, являлась подделкой. Откуда у домработницы «Шанель»? — Надеюсь, я вас не обидела своим недоверием? — Лиза качнула головой. — Просто я растерялась: Борис Алексеевич не водил сюда женщин, а тут вы, полуголая...

Это было правдой: на Лизе кроме трусиков и лифчика ничего не было. Но, явись Галя минутой позже, на ней и исподнего не осталось бы.

— Я могу приступить к своим обязанностям? — спросила домработница. — Не помешаю вам? Сегодня дел очень много, не только убратись нужно, постирать постельное, но и рубашки перегладить, у Бориса Алексеевича деловая поездка намечена на конец недели, он мятую одежду с собой не берет...

— Галя, вы что, ничего не знаете?

— О чем? — спросила она рассеянно. В этот момент она убирала свои балетки на полочку. Отец терпеть не мог, когда обувь оставляют на проходе. Но Лизу так и не отучил от этого, а домработницу — да.

— Борис Алексеевич умер.

Галина резко обернулась. В больших серо-зеленых глазах недоверие.

— Как? Когда? Я же видела его совсем недавно...

— Неделю назад?

— Да, в прошлый вторник. Мы с ним поболтали немного, и Борис Алексеевич поехал отсюда к себе в дом...

— Там он и умер. В среду утром.

— Что с ним случилось?

— Сердечный приступ. И странно, что вы не знали, потому что об этом печальном событии где только не сообщили: и в интернете, и в газетах, и по местному телевидению.

— Меня не было в городе, только сегодня приехала, — прошептала Галина и всхлинула. — Если бы я знала, что случилось, я бы пришла на похороны! — Из глаз ее покатались слезы, затуманив их и сменив цвет на дымчатый.

— Приходите на поминки послезавтра. Они будут в ресторане «Баркас». — Его арендовали на весь день целиком, но еще и в нескольких столовых обеды заказали для простых горожан, не вхожих в ближний круг. — Я сейчас приму душ и уеду, вы занимайтесь уборкой и рубашки погладьте, я их в благотворительную организацию отдам...

— Телефон!

— Да, номер ваш мне потребуется.

— У вас звонит.

Лиза уже и сама это слышала. Мобильник звучал глухо, потому что лежал под диваном, и все же его пиликанье доносилось до прихожей.

— Доброе утро, мутер, — услышала Лиза голос сына, когда взяла телефон в руки.

- Привет, Стасик.
- Как ты догадалась, что это я? Звоню тебе с телефона Вячика.
- Он меня «мутер» не называет.
- Учту, когда захочу тебя разыграть, — усмехнулся сын.

Дети Лизы родились в один день и час, но с разницей в десять минут. Первым на свет появился Вячеслав, вторым Станислав. На этих именах настоял отец близнецов, Лиза же хотела Сашу с Лешей, но не смогла переубедить мужа. Едва узнав о беременности, они договорились, что девочку будет называть она, а мальчика он. Лиза на это согласилась, будучи твердо уверенной в том, что носит дочь. Но она ошиблась, причем дважды. Муж же стал в два раза радостнее, поскольку не мог определиться с вариантом имени — ему нравились и Вячеслав, и Станислав, — а тут и выбирать не пришлось.

Мальчишки, надо сказать, были не только именами похожи, но и внешностью, и голосами. Да, это обычное дело для близнецов, но все же они, как правило, отличаются хотя бы чем-то: комплекцией, оттенком цвета глаз, небольшой деталью типа родинки или ямочки на щеке. Сыновья же Лизы были как две капли воды. Даже она, мать, путала их в детстве и делала йодом пометки на коже мальчишек. Когда те начали ходить, запоминала ссадины, у кого на каком месте. Лиза пыталась их по-разному одевать и стричь, но Стасик и Вячик устраивали истерики, желая носить одинаковые прически и одежду. Они плакали в унисон. Говорили, заканчивая друг за другом предложения. Даже имели одну на двоих вредную привычку — грызть ногти, а когда их от этого отучили, принялись щелкать пальцами. И все же

Лиза научилась различать своих детей. Им было по шесть, и пацаны, как обычно, придумали розыгрыш для матери. Тогда у Вячика имелась шишка на лбу, по ней его отличали от брата. Но чтобы продолжать всех душить, Стасик не пожалел себя и с разбегу влетел головой в тумбочку, как до этого его близнец, чтобы набить себе такую же шишку. Когда та вздулась, он подошел к матери и стал разговаривать с ней от имени брата. Лиза ничего не заподозрила, пока настоящий Вячик не влетел в комнату с воплями «Обманули-обманули!». Оба принялись хохотать, держась за животики. В этот момент Лиза и поняла, в чем их различие: Стасик улыбается больше ртом, а его брат — глазами. С тех пор она их не путала, разве что по телефону.

— Ты где пропадаешь, мутер? — спросил Станислав. Он полгода прожил с отцом в Германии, но вернулся в Россию на похороны деда, прихватив в качестве интеллектуального багажа знание немецкого. Как впоследствии оказалось, весьма поверхностное. Однако немецкие словечки постоянно проскальзывали в его речи.

— А вы что, соскучились по мне? — вопросом на вопрос ответила Лиза. Она не рассказала детям о квартире деда. Думают, у него в Астрахани был только дом, и они все сейчас в нем живут. — Я у подруги заночевала.

— Ты успела обзавестись здесь подружкой? — недоверчиво протянул сын.

— Еще сто лет назад. Я же говорила вам, что жила тут до замужества.

— Да, но про подругу ты не рассказывала.

— Мы потерялись, но вчера случайно нашли, пошли в ресторан, отметили встречу, — уверен-

но соврала Лиза. Когда-то у нее действительно была тут подруга, Фаина, но они разругались еще тогда, когда она вернулась в Москву... Полжизни назад!

— Ясно, понял. — Стасик, судя по звуку, открыл холодильник и взял оттуда бутылку газированного напитка. Скорее всего, колы, он ее обожал. Тогда как его брат предпочитал обычную минералку. С возрастом у близнецов вкусы стали различаться, но только в малом. — Когда приедешь?

— Через час примерно. Максимум два.

— Лучше тебе поторопиться.

— Что-то случилось?

— Нет, просто тебя человек дожидается, очень поговорить хочет.

— О чем?

— О смерти деда. Визитер сообщил мне, что она насильственная. Убили якобы Бориса Алексеевича, и он даже знает кто. — Сын, попив, отрыгнул. В Германии он научился не сдерживать естественные позывы. — Я попытался узнать, кто подозреваемый, но мне сказали, что говорить будут только с дочерью покойного.

— Что это за человек?

— Это женщина по имени Фаина (фамилию забыл, хоть и видел документы), и она называет себя твоей давней подругой. — Сын немного помолчал. — Выходит, у тебя она была не одна?

— В молодости я была более общительной. — Лиза подошла к креслу, на которое вечером скинула одежду. Аккуратно ее вешать мама дочь так и не научила, а сейчас это и не нужно: есть прислуга, которая уберет, постирает, погладит и повесит в шкаф. — Как эта женщина выглядит?

— Так себе. Если вы ровесницы, то могу тебе сделать комплимент: ты девочка по сравнению с ней.

— Я не об этом. Она адекватная? Фаю я не видела больше двадцати лет, и вот она является в наш дом с таким заявлением...

— На психичку не похожа. На алкашку тоже. Обычная тетка, только немного взволнованная. Но это и понятно: ее охрана не хотела пропускать, вот она и разнервничалась.

— Ты провел ее в дом?

— Нет, усадил в беседке и отправил к ней горничную с ромашковым чаем.

— Молодец. — Лиза быстро натянула на себя одежду, наскоро причесала волосы. — Я буду где-то через полчаса. Ждите!

И, схватив сумку, зашпешила к выходу. Ее ждала встреча с заклятой подругой молодости, которая еще и принесла дурные вести.

Глава 2

Сын не обманул, Фаина выглядела старше своего возраста. Насколько Лиза помнила, той было в районе сорока пяти.

— Какая ты стала, — искренне восхитилась ею бывшая подруга. — Была как селедка, а сейчас...

— Осетринка контрабандная? — усмехнулась Лиза. Как ни странно, она была рада видеть Фаю. Грех ее не был таким уж большим, чтоб его не простить. То, что по молодости воспринималось как предательство, сейчас можно назвать опрометчивым поступком. — А ты разбогатела, как я посмотрю? — У подруги была идея-фикс выбраться из бедности. — Вся в бриллиантах!

— Были времена, когда я жила безбедно, но они, увы, прошли. — Фая поправила цепочки на шее. Их было несколько: надела все лучшее сразу, что в ее понимании дурновкусием не считалось. — Тебе разве обо мне не рассказывали?

— Кто?

— Мало ли, — туманно проговорила Фая.

— Я не общалась ни с кем из нашего общего прошлого.

— Не совсем так. Ты же с отцом отношения поддерживала, а он часть этого самого прошлого.

— С ним я тоже в последнее время почти не контактировала. А что, он был в курсе твоей жизни?

— В некотором роде. Я была замужем за его двоюродным племянником. Борис Алексеевич гулял на нашей свадьбе, и это было семнадцать лет назад.

— Ничего не знаю даже о племяннике отца, не говоря уже о его свадьбе. Думала, он ни с кем из второстепенных родственников не общается.

— Рома с моей подачи с ним познакомился. Когда я поняла, что Борис Алексеевич кузен матери моего жениха, я отправила его знакомиться с уважаемым родственником.

— Чтоб тот приличный подарок на свадьбу сделал? — Фая всегда была хитренькой.

— На работу пристроил. Рома меня младше, он только из армии пришел, не знал, куда податься...

— Ты связалась с голозадым дембелем? А как же мечты о пусть не богатом, но перспективном муже?

— В двадцать восемь уже не до глупых фантазий, нужно работать с тем, что имеешь.

— И что, пристроил мой отец племянника?

— На место охранника. Самого рядового, но с перспективой. Обучение Рома прошел за счет фир-

мы, лицензию получил. Так бы и остался на предприятии, потому что звезд с неба не хватало, да опять я вмешалась.

— Что же в этот раз старуха у золотой рыбки попросила? — вспомнила Лиза сказку Пушкина. — Ясно, что не корыто, оно уже было. И не избу. Столбовой дворянкой пожелала стать?

— Менты свои нужны были Борису Алексеевичу. И Рома с моей подачи в органы устроился. С руками и ногами взяли, а после поступления в юридический техникум звание дали. Уже через два года, в двадцать шесть, муж мой стал важные вопросы решать. К тридцати так поднялся, что мы дом купили.

— Твой муж брал взятки, так я понимаю?

— Не брал тогда тот, кому не давали.

— Наверное, — пожала плечами Лиза. Она была далека от всего этого. — И чем же все закончилось?

— Показательным увольнением из органов. Хорошо не судом. За это нужно Бориса Алексеевича благодарить. Если б не он, загремел бы Ромка, еще и с конфискацией. А так остались более или менее при своих. Разве что дом пришлось продать, чтобы кого надо умаслить. Но квартиры, машины, цапки мои — все сохранили. — Фаина непроизвольно коснулась цепочек, будто проверяя, на месте ли. — Только мы развелись после этого.

— А кольцо обручальное все носишь, — заметила Лиза. У гостьи были три пальца украшены, включая безымянный на правой руке.

— Тут камни хорошие! — Она выставила руку и полюбовалась ими. — И оправка интересная — по спецзаказу кольцо делали. Не на саму свадьбу (тогда у нас денег хватило на тонюсенькие ободочки), а на

одну из годовщин. Но вот беда: на других пальцах оно не смотрится.

— Давай вернемся к твоему рассказу.

— Ты сама меня перебила, — напомнила Фая. Чай она уже выпила, и Лиза, увидев горничную, дала ей знак принести еще. — Рома после развода уехал в Якутск. Работал на приисках в охране. А в прошлом году вернулся и опять в органы устроился.

— Взяли?

— Почему нет? Опытных кадров катастрофически не хватает, а у него в личном деле ерундовые обвинения. Сейчас на такие и внимания не обращают.

— Ты не пыталась его вернуть?

— Еще как пыталась, но ничего не вышло.

— Повторно женился?

— И развелся. Вернулся в Астрахань холостым. Но от меня бегаёт. Считает виновницей всех бед. Если б не моя алчность, жили бы нормально, он в охране работал, я горничной (уже старшей) в отеле, а дочка наша радовалась бы джинсам с рынка и телефону неизвестной фирмы.

— У тебя дочь?

— Ей пятнадцать, и она сейчас ненавидит отца. Меня же кое-как терпит.

Лиза слушала ее и не понимала, почему Фаина медлит. Заявила, что уверена в том, что Бориса Алексеевича убили, и знает даже, кто это сделал, но заходит из такого далека-далека, что как будто хитрит. Может, просто нашла повод, чтобы заявиться к бывшей подруге и пообщаться с ней? А то и провернуть что-то? О выгоде эта женщина не забывает никогда.

— Теперь к основному, — будто прочитав ее мысли, проговорила Фаина. — Муж мой бывший, как я тебе уже сказала, от меня бегаёт. Но я от него не от-

стаю. И не потому, что хочу вернуть (уже нет!). Мне деньги нужны. Тех алиментов, что он перечисляет, хватает только на еду и школьные тетрадки. Домой Рома меня не пускает, но на работе я его могу поймать. И вот как-то сижу я в засаде...

— Даже так?

— А как еще? Так вот, сижу и слышу, как Ромка с мужиком разговаривает каким-то. Потом оказалось — патологоанатомом из городского морга. Фамилия его Панин. Он вскрытие твоего отца делал.

— Мы видели результаты, в них ничего подозрительного, — заранее предупредила Лиза. В ответственности смерти Бориса Алексеевича не было сомнений.

— Подчистили их. Панину какие-то показатели не понравились. Сказал, нужно дополнительные анализы сделать. Но Рома запретил.

— Как так?

— А вот так. «Не смей! — сказал. — А то оба отхватим!» Аронов такая крупная фигура, что, если начнется расследование его смерти, буча в городе поднимется. Под подозрение кто попадет? Члены джентльменского клуба: крупные бизнесмены, местные политики, те же менты в чинах. У твоего отца именно такой круг общения был. И собирались друзья-приятели в закрытом заведении, которое называли джентльменским клубом! — Фаина так разволновалась, что начала плеваться. — «Разворошим осиное гнездо и крайними останемся! — вещал мой бывший. — А все из-за чего? Из-за подозрений твоих дурацких! Медики констатировали смерть от сердечного приступа, так? Инфаркт случился у Аронова, с людьми его возраста это постоянно происходит. И ты это подтвердил, потому что сначала ничего по-

дозрительного не заметил. Так зачем стал в требухе копать?»

— Постой, — прервала ее Лиза. — Но что не так было с... кхм... требухой?

— Панин на своем, медицинском языке говорил. Заумно. Я только поняла, что Бориса Алексеевича будто подтравливали чем-то. Судя по печени и кишечнику. Есть много препаратов, способных разрушить сердце. Не зря же пишут в инструкциях «Принимать не больше двух таблеток в сутки». А сколько вредоносных растений, корней. В джентльменском клубе есть курительная комната, так там в сигару что хочешь заверни втихаря. Или в кофе добавь. И вот здоровый человек уже через пару недель за сердечко хвататься начинает. Но Роман отвечал: «Откуда ты знаешь, что миллионеры употребляют? Может, он сам пил или ел что-то вредное. Какой-нибудь перетертый пенис священного осла из Перу, который дает мужскую силу. Или яйца кобры для обновления клеток!»

— Ничего такого мой отец не употреблял. Он в эту ерунду никогда не верил.

— Роман все это знал. А патологоанатом нет. И дал себя убедить. Пару строчек убрал из отчета, будто не заметил ничего подозрительного (а он бы и не заметил, если бы не проявил дотошность), подписал, печать шлепнул и отдал отчет родственникам, вам то есть.

— То есть этот разговор ты подслушала давным-давно, а явилась ко мне только сейчас? Почему?

— Тоже не хотела лезть.

Не убедила. Но Лиза решила вернуться к этой теме позже. Тем более подошла горничная Айгюль с подносом. Гостье подала чай, а хозяйке — мине-

ральную воду с долькой лайма. Знала: она от нее никогда не откажется.

— Ты сказала моему сыну, что знаешь убийцу. Кто он?

— Не совсем так. У меня есть подозреваемый. И он такой же джентльмен, как я английская королева.

— О ком речь?

— О твоём экс-возлюбленном. Помнишь его? Или уже нет? Столько лет прошло.

— Ты о Марке Тахирове? — переспросила Лиза, будто у нее были еще экс-возлюбленные. — Пушкине?

— Точно, у него же такая кличка была в молодости. Сейчас он Тахир. Но, как и прежде, промышляет на реке. Что-то мутит, пыжится. Судно недавно купил, чтоб перевозками заниматься, да сгорело оно. И кого он, думаешь, в этом обвинил? Бориса Алексеевича.

— Откуда ты знаешь?

— Лично слышала, как Марк орал на него. Проклинал! Смерти желал! В офисе это было. Я пришла к твоему отцу для разговора, в приемной сидела, а тут Тахир влетает...

— Ты все эти годы от моего отца не отставала? За кого просила на сей раз?

— За себя. Хотела устроиться в джентльменский клуб администратором, но речь не обо мне. Пушкин твоего отца ненавидел, и это чувство с годами не прошло.

— Быть может. Но как Марк мог что-то вредоносное подсовывать моему отцу на регулярной основе?

— Мы же точно не знаем, что спровоцировало сердечный приступ. Может, патологоанатом ошибся.

Он так себе специалист. И, судя по морде, пьющий. Хотя все они в моргах колдырят... — Чем больше Фаина говорила, тем меньше Лиза ей верила. Несет какой-то бред, оговаривает людей и уже не очень походит на вменяемую. — У Марка жена — химичка. Она лично отраву для крыс варила. Я точно знаю, мне дочь рассказывала, а ей — подруга, которая в ее школе учится. Если она может приготовить яд для животных, то и для человека тоже.

— Отец умер дома. Тут не было посторонних. Или Марк крысиную отраву ему в офисе подсунул, а она подействовала через день-два-три?

— Может, они и после виделись, откуда я знаю? — наохлилась Фая.

— Ты меня извини, конечно... Но ты ведешь себя как полоумная.

— Вот поэтому я и не хотела приходить! — взвилась она. — Никто не желает знать правду! Умер человек и умер, всем хорошо: денежки-то никуда не делись...

— Предполагаю, что ты не приходила так долго по другой причине. Ты выжидала. Думала, что муж твой бывший не просто так делу хода не дал. Потому что ему дали. На лапу. И много, раз мой отец крупная фигура, как и его друзья-джентльмены. Ты следила за ним, чтобы убедиться в этом. Но то ли Роман не брал ничего, то ли не попадался. Поняв, что оттяпать у него часть денег не получится, явилась ко мне. — Лиза подалась вперед, чтобы поймать взгляд Фаи. — Ты мужу нагадить через меня хочешь, так? Но от денег не откажешься? Ты же привыкла получать их от Ароновых за информацию?

— Как же я тебя ненавижу, — тихо проговорила Фая, но глаз не отвела. Смотрела на Лизу прямо.